

теплотой монитора компьютера, а с другой – легкостью установления ни к чему не обязывающих отношений.

В концентрированной форме основным параметром кризиса семьи является использование мужчиной физического насилия. Происходит это не только по причине природной жестокости мужчины, но потому, что некоторая часть женщин (12,6% – 2000 г. и 5,2% в 2014 г.) считают его использование допустимым. Конечно, используя физическое насилие, а масштабы его значительны, мужчины меньше всего интересуются мнением женщин. Если же это происходит, то в настоящее время выстраивается, с точки зрения респондентов, следующая иерархия (по нисходящей) причин, вызывающих насилие: стремление мужчин к самоутверждению, низкий уровень культуры, пьянство мужчин, заниженная самооценка женщин, пьянство женщин, стрессы и депрессии, боязнь одиночества со стороны женщин. Сравним: 14 лет назад подобная иерархия была несколько иной: пьянство мужчин, низкий уровень культуры, пьянство женщин, физическое превосходство мужчины, стремление мужчин к самоутверждению, заниженная самооценка женщин и др.

Заключение. Результаты социологического исследования доказывают, что белорусское общество является в гендерном отношении все еще социумом с доминированием традиционного взгляда на отношения между мужчиной и женщиной, на принципы формирования и развития семьи. Одновременно очевидно, что ценностные и социальные трансформации белорусского общества видоизменяют

и формат гендерных отношений: усиливается мужской инфантилизм, изменяется система семейного лидерства, трансформируется сексуальное поведение, очевиден тренд меркантилизации всей системы отношений между мужчиной и женщиной, происходит гедонизация любовных отношений, все менее значимым становится родительский опыт, роль церкви, системы образования и других социальных институтов. Все это ставит перед белорусскими мужчинами и женщинами сложную, но одновременно прагматическую и творческую задачу – осуществить эффективную интеграцию в собственной гендерной роли как прошлого опыта, так и новых социальных практик и мировоззренческих стратегий.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бубнов, Ю.М. Социальные образы мужчины и женщины / Ю.М. Бубнов // Вестник Брестского государственного университета. – 2014. – № 2. – С. 101–113.
2. Соколовская, М.Г. Идентификация мужчины: взгляд женщины / М.Г. Соколовская // Вестник Брестского государственного университета. – 2004. – № 2. – С. 43–50.
3. Мутулина, Л. Пластиковая любовь: главное – преодолеть отвлечение Л. Мутулина // Зеркало недели. – 2014. – № 35.
4. Соколовская, М.Г. Современная белорусская женщина и ее «интергративный» феномен / М.Г. Соколовская // Беларусь: на пути в третье тысячелетие. – Минск: БФМ, 2001. – 244 с.

Материал поступил в редакцию 30.03.15

SOKOLOVSKAJA M.G. Definition of a Man: View of a Woman

The Article is dedicated to the analyses of peculiarities of perception of a man by Belarusian women. The study of level of satisfaction of the latter in their relations with gender partners is studied based on a big empirical material. The specifics of their interpretation of man and woman roles, as well as the general perception of «another» (man), is studied. The dominating perceptions of marriage motivations are specifically analyzed. Cognitive and cultural dissonances causing the conflict situations in the relations between men and women are determined.

УДК 453.09

Стрелец М.В.

ОБРАЗЕЦ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Введение. В отечественном обществоведении отсутствуют серьезные исследования современного состояния российского интеллигентоведения. Автор попытался отрецензировать одну из последних работ российских коллег и тем самым в известной степени восполнить этот пробел.

Рецензируемая «работа выполнена в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности Министерства образования и науки Российской Федерации № 33.526.2014/К «Российская интеллигенция и европейские интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности XX–XXI века: виртуальность и реальность» [1, с. 2]. Она представляет собой коллективную монографию, состоящую из базисного компонента и предваряющего его блока публикаций докторов исторических наук, профессоров В.С. Меметова, В.Л. Черноперова, С.М. Усманова.

Указанный блок начинается с предисловия В.С. Меметова. Автор предисловия обосновывает структуру монографии, раскрывает основные этапы интеллигентоведческих исследований в Ивановском государственном университете (ИвГУ). В настоящем вузе эти исследования на протяжении последней четверти века осуществляются комплексно, перманентно, на основе постоянно функционирующих организационных структур. Ныне действующая структура – Научно-исследовательский институт интеллигентоведения при Ивановском государственном университете, возглавляемая автором предисловия. Рецензируемая монография – интеллектуальный продукт данного НИИ.

В публикации В.Л. Черноперова и С.М. Усманова «предлагается авторская концепция моделей поведения интеллигенции / интеллектуалов в современном мире» [1, с. 7]. Эта концепция «предназначена для того, чтобы выявить реальные альтернативы включения этих социальных групп в социально-политические трансформации современного мира и оценить их конкретные результаты» [1, с. 27].

Несомненная научная новизна прослеживается в выведении данными учёными в качестве «основного критерия разграничения ... основных типов участия российской интеллигенции в социально-политической жизни ... взаимоотношений в рамках представлений «свой» – «чужой» ... Это противостояние было заложено в самих основаниях самоопределения русской интеллигенции, которая оказалась одновременно испорченным «своим» и «неправильным чужим» ... Внутренние противоречия такого рода ощутимо давали себя знать и в двадцатом столетии» [1, с. 19].

В исследовании В.Л. Черноперова и С.М. Усманова проведено комплексное сравнение западных интеллектуалов и российских интеллигентов. Сделав серьезный вклад в науку, они показали, что «для западных интеллектуалов, в отличие от российских интеллигентов, главной линией разделения методов и форм участия в политической и общественной жизни является не столько деление на «своих» и «чужих», сколько расслоение по типу отношения к сложившейся системе власти – либо это та или иная вариация конформизма («бессильные люди», «независимые эксперты»), либо различные оттенки неконформизма» [1, с. 27].

Первый раздел базисного компонента «Интеллигентоведческие исследования: междисциплинарные подходы» включает три главы.

Автор первой главы «Современные теоретико-методологические проблемы изучения феномена интеллигенции» доктор исторических наук, профессор И.В. Сибиряков проявил подлинное новаторство в поиске оптимального методологического инструментария постижения настоящего феномена. В этом инструментарии органически сочетаются методы как гуманитарных, так и естественных наук, одновременно присутствуют как индукция, так и дедукция, ни на йоту не допускается политическая и социальная ангажированность, всесторонне учитывается цивилизационная специфика

интеллигенции, “наличествуют такие черты, как смысловая компрессия, хорошо выявленная архетипность контекстуальных понятий и образов, а также их актуальная открытость, как в настоящее, так и в прошлое, подающее руку будущему” [1, с. 42].

В главе 2 “Семиосфера интеллигенции: трансформация контекста”, написанной доктором исторических наук, профессором А.А. Соловьёвым, сделан акцент на собственном видении духовной миссии интеллигенции во второй декаде XXI века. По мнению учёного, «основанием духовной миссии интеллигенции в современных условиях доминирования секулярных и агностических настроений социума может стать общий критерий соборности, экклезиология, основанная на общении, нежели на авторитете» [1, с. 58].

Глава 3 называется так: “Российская интеллигенция и ноосферное миропостроение”. Её автор, доктор исторических наук, доцент Г.С. Смирнов обращает внимание читателей на актуальность наследия великого советского учёного В.И. Вернадского. “В.И. Вернадский как никогда современен. Современен не только по причине его фундаментального открытия научного перехода человеческой цивилизации в новое состояние, но и по причине того, что он сам жил и творил в эпоху зарождения и начала этого перехода” [1, с. 84]. С автором главы 3 можно целиком и полностью согласиться в том, что “его опыт и оценки будущего чрезвычайно полезны для нынешней (российской интеллигенции. – М.С.), если она, конечно, ощущает и осознаёт динамику реалий судьбоносного времени” [1, с. 84].

Содержательную сторону второго раздела базисного компонента “Интеллигентоведческие исследования: научно-художественные искания” составляют четыре главы.

Первая глава посвящена теоретико-методологическим основаниям изучения художественной интеллигенции. Её автору, доктору исторических наук, профессору И.В. Купцовой удалось раскрыть логическую структуру данного понятия. Эта структура убедительно прослеживается в следующем определении, сформулированном И.В. Купцовой: “Под художественной интеллигенцией мы понимаем социальный слой, представители которого заняты творческим трудом, направленным на создание, сохранение и распространение художественных ценностей” [1, с. 94].

В главе 2, написанной доктором исторических наук, профессором А.В. Зябликовым, речь идёт о российской художественной интеллигенции в начале XX века. Главное достоинство главы: убедительно сформулированная модель её политического “внеприсутствия”. Что же детерминировало реализацию именно такой модели? Хорошо известно, что абсолютное большинство представителей российской интеллигенции было православного вероисповедания. Профессор убедительно доказывает, что “модель политического “внеприсутствия”... отражает особенности православного самосознания с его иррационализмом и признанием “необходимости неизбежного”, с его недоверием к попыткам подчинить мир законам разума. Для православного сознания обряд, культ первичен по отношению к учению. Именно поэтому православие “подозрительно относится к социальному и культурному прогрессу и, в лучшем случае, ценит его как дело очень относительно, вполне человеческое и имеющее мало общего с теми подлинно-божественными, таинственными процессами, которые совершаются в душах народов” [1, с. 124].

В главе 3 доктор исторических наук, профессор Е.М. Раскатова прослеживает историю российской художественной культуры и интеллигенции в 1960–1980-е годы в тесной привязке к новым методам и перспективам исследования. Анализируемые автором реалии имеют ряд общих черт с российскими реалиями, к которым обращался А.В. Зябликов.

Во-первых, имеется в виду тоталитарный политический режим, ставивший заслон подлинной творческой свободе.

Во-вторых, и тогда, и теперь власть была заинтересована в политическом “внеприсутствии” интеллигенции.

В-третьих, и в начале XX века, и в 1960–1980-е годы государственная культурная политика была отмечена выхолащиванием общечеловеческих ценностей, стремлением втиснуть содержательную сторону культурных процессов в прокрустово ложе государственной идеологии. Е.М. Раскатова глубоко анализирует эту политику на примере спектакля “Владимир Высоцкий”,

который был полностью подготовлен в театре, руководимом Ю.П. Любимовым. Власти отказали великому режиссёру. Профессор права, утверждал, что в основе отказа лежала “опасность изменения ценностных представлений в массовом сознании” [1, с. 135].

Как же видятся культурные процессы в СССР в 1960–1980-е годы по прошествии нескольких десятилетий, то есть по современным меркам?

Е.М. Раскатова выявила первые «признаки утраты властью возможности тотального контроля культурных процессов» [1, с. 135] в период, когда советское общество шаг за шагом скатывалось к своему системному кризису, развязкой которого стало исчезновение СССР. При этом автор главы 3 применяет ранее неизвестные инструменты в исследовательском процессе. Содержание настоящей главы свидетельствует о том, что «новые методологические ракурсы, ставшие сегодня реальностью российской исторической науки, открыли большие перспективы для её развития. Методики интеллектуальной истории, истории повседневности, устной истории позволяют многосторонне осмыслить историко-культурный процесс и определяют перспективы исследования истории художественной интеллигенции» [1, с. 140].

Органически вписалась в тематический комплекс второго раздела его четвёртая глава, носящая следующее название: “Интеллигенция советской провинции и провинциальная фантастика: проблемы изучения” (автор кандидат исторических наук, доцент В.В. Комиссаров). В.В. Комиссаров показывает, что “научно-фантастическая литература, получившая огромную популярность в СССР в 1950–80-е годы, не ограничивалась кругом столичных авторов и центральных издательств. Очень скоро она привела к формированию региональных школ, направлений и “волн” [1, с. 152]. Доцент совершенно обоснованно относит к числу ключевых региональных школ научной фантастики ленинградскую, сибирскую, уральскую. Каждая из них всесторонне охарактеризована. «Автором настоящего исследования предложено четыре критерия для вычленения таких региональных школ: а) наличие самостоятельной организационной и издательской инфраструктуры; б) самобытные художественные и литературные традиции; в) некоторые общие признаки, присущие представителям направления; 4) подготовленная читательская аудитория со своей внутренней организацией» [1, с. 152].

Не менее удачными получились все пять глав третьего раздела “Интеллигентоведческие исследования: историко-региональные аспекты”.

Кандидат исторических наук В.В. Возилов является автором главы 1 “Российская интеллигенция XVIII века в многообразии мировоззренческих споров”. Представляются оригинальными и в то же время весьма убедительными следующие выводы, к которым пришёл учёный. “В среде дворянской интеллигенции XVIII века, объединённой общим сословным мировоззрением, воспитанием и образованием, были актуальными проблемы служения отечеству, нравственно-эстетические вопросы и желание улучшить существующее положение вещей. Отсутствие нигилистических теорий позволяет говорить и об отсутствии антинигилистического направления русской мысли. Но уже в целях и задачах, путях и методах их достижения русские интеллигенты XVIII века расходились. В дальнейшем противоречия в теоретическом обосновании и практическом воплощении своих идеалов усилятся” [1, с. 172].

Заставляет задуматься по многим позициям ознакомление с содержанием главы 2 “Потерянное поколение” и российский “креативный класс”: исторические параллели”, написанной доктором исторических наук, доцентом Д.А. Смирновым. Прежде всего следует разобратся с употребляемым учёным понятийным аппаратом. Его ядро составляют два понятия.

Первое понятие – “потерянное поколение”. Его применяют вне национальных границ, социально-экономических барьеров и идеологических взглядов к людям, объединённым чисто единственным обстоятельством – каким-либо участием в Первой мировой войне или иным знакомством с реалиями военной жизни в 1914–1918 годы” [1, с. 173].

Второе понятие – российский “креативный класс”. Как же соотносятся между собой первое и второе понятия? “Определённое сходство условий, а именно острый социально-экономический кризис и политические проблемы конца XX века, вызванные распадом СССР, позволяют рассматривать интеллигенцию, интеллектуалов в России в

1990–2000-е годы как отечественный вариант “потерянного поколения”. В этом плане примечателен и выбранный в последнее время для него термин “креативный класс” [1, с. 174].

Автор показывает, что потенциал российского “креативного класса” ещё далеко не исчерпан. Со Смирновым Д.А. можно полностью согласиться в том, что “творческие амбиции “креативного класса” не имеют возможности быть реализованными без переосмысления своего политического положения, без выстраивания связей с другими общественными группами в современной России, без создания цельной социальной системы, где собственно такие политические интересы будут ясно просматриваться и находить место для претворения наряду с интересами других социальных общностей” [1, с. 189].

Богата на оригинальные выводы и оценки глава 3 “Интеллигенты русского зарубежья о будущем России: раздумья, ожидания, предчувствия” (автор С.М. Усманов). Автором собраны, систематизированы и проанализированы высказывания людей, которые составляют совесть русского народа. Это И.А. Ильин, Г.П. Федотов, Н.А. Бердяев, А.А. Степун, Г.В. Вернадский, И.Д. Солоневич, П.А. Сорокин, И.С. Шмелёв, Д.А. Бальмонт.

Не может оставлять равнодушным читательский корпус глава 4. Доктор исторических наук, профессор Г.А. Будник, обращаясь к социальной памяти интеллигенции, исчерпывающе выявила риски разрыва, мастерски сформулировала механизмы сохранения. Она справедливо отмечает, что “одним из направлений в изучении процесса формирования сущностных черт интеллигенции может стать исследование закономерностей сохранения исторической памяти” [1, с. 211].

Аспирантка ИвГУ А.А. Неустроева в пятой главе затрагивает два аспекта касательно украинской интеллигенции: исторический опыт и

роль в современном обществе. Каждый аспект анализируется при приоритетном применении идеографического, аксиологического, историко-генетического, историко-сравнительного, историко-системного, историко-типологического методов. А.А. Неустроева показывает, что “украинская интеллигенция с момента своего зарождения пыталась понять, что такое нация ... В XVI веке вопросом нации интересовались интеллигенты лишь западных территорий, они видели свой путь развития по европейскому образцу. В XIX веке под нацией понимался весь украинский народ, объединение всех земель. В XX веке мнения интеллигентов опять разошлись. Но разошлись они в вопросе выбора дальнейшего пути развития, а вот то, что Украина должна быть единой целой страной, это общие цели украинских интеллектуалов” [1, с. 240].

Настоящая коллективная монография хорошо вычитана, написана подлинно научным стилем. С её содержанием гармонирует удачно подобранная обложка.

Заключение. Таким образом, российские учёные в очередной раз задали планку в интеллигеноведении, продемонстрировав образец междисциплинарного подхода. Рецензируемая книга будет обязательно востребована учёными, преподавателями учебных заведений всех уровней, студентами, магистрантами, аспирантами, докторантами. Проблемы, сформулированные её авторами, надолго станут стартовым исследовательским полем.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Интеллигенция и интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности: коллектив. моногр. / Отв. ред. В.С. Меметов, В.Л. Черноперов. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2014. – 276 с.

Материал поступил в редакцию 09.10.15

STRELEZ M.V. Sample of interdisciplinary

First in domestic social science the publication makes a comprehensive analysis of the book "Intelligentsia and intellectuals in the changing sociology-political realities" by V.S. Memetov, V.L. Chernoperov. The author of the review points that russian scientists have once again defined the top line for intelligent management. The author indicates a sample of a multidisciplinary approach. The reviewed book will be needed by scientists, teachers of educational institutions of all levels of students, undergraduates, graduate students, doctoral students. Problems formulated by its author will become start base for researching for long time.

УДК 342.731

Лисовская Т.В.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ СВОБОДЫ СОВЕСТИ

В системе международной защиты свободы совести можно выделить два основных элемента: правовые механизмы – комплекс международного законодательства, провозглашающее основные права человека в сфере свободы совести и устанавливающее компетенции государства в этом вопросе, и надгосударственные судебные и внесудебные органы, такие как Европейский суд по правам человека и Комитет по правам человека.

Процесс унификации понятия свободы совести и религии и ее правового закрепления начался по окончании II Мировой войны. Основные международные документы, регулирующие вопросы прав человека, а в нашем случае – свободу совести и вероисповедания, содержат четыре ключевые положения, касающиеся свободы совести и вероисповедания: закрепляется базовое право на свободу совести (Европейская Конвенция прав человека (ЕКПЧ) ст. 9, Международный пакт о гражданских и политических правах (МПГПП) ст. 18.1), декларируется отсутствие дискриминации по религиозному признаку (МПГПП ст. 2.1, 26, ЕКПЧ ст. 14), устанавливается право родителей самостоятельно определять религиозное воспитание и обучение своих детей (МПГПП ст. 18.4, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах ст. 12.3, Первый протокол к ЕКПЧ п.2), возможность ограничения свободы совести и

религии (МПГПП ст. 18.3, ЕКПЧ ст. 9.2). ЕКПЧ и МПГПП также содержат и другие важные права, касающиеся свободы совести – свободу выражения, частную жизнь, права ассоциаций, право на брак, которые коррелируются со свободой совести.

Международные документы, как мы видим, задекларировали свободу совести и религии как одно из основных прав человека и в то же время, предусмотрев возможность государства применять ограничения свободы совести и религии, установили достаточно четкие пределы вмешательства в части 3 статьи 9 Конвенции и в части 2 статьи 18 Международного пакта о гражданских и политических правах. Однако непосредственно объем ограничений в международных правовых документах не указан. Нахождение разумного компромисса между сферой свободной деятельности личности и религиозных сообществ и сферой запрета, нарушение которой уполномочивает государственные органы к разным формам принуждения, до сих пор является открытой дискуссией и ведет к возможности превышения полномочий государства в сфере ограничения и, соответственно, к нарушению свободы совести.

В таких условиях международные органы защиты – Европейский суд по правам человека и Комитет ООН по правам человека – являются необходимыми и важными механизмами защиты свободы совести.

Лисовская Татьяна Витальевна, к.и.н., доцент кафедры социально-политических и исторических наук Брестского государственного технического университета.

Беларусь, БрГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.